

Под водой было темно. Я вытащил из кольца зелье и выпил его.

Вмиг я начал видеть ясно и далеко, и можно было не моргать. Скоро я заплыл так глубоко, что уже не мог различить поверхности озера, и направился прямо ко дну.

Я поплыл вдоль дна. Тишина давила на уши. Вода у дна была мутная, и видел я теперь совсем недалеко, футов на десять вокруг. Подо мной расстился удивительный мутный пейзаж, новые картины словно выскакивали из темноты, по мере того, как я быстро плыл вперед. То вырастали целые леса черных трепещущих водорослей, то широкие илистые луга с редкими валунами. Я заплывал все ниже и ниже, к середине озера, я широко раскрыл глаза и старался заглянуть подальше, туда, где за серой пеленой воды смутно маячили тени.

Маленькие серебристые рыбки стрелами проносились мимо. Раз или два мне казалось, что впереди меня поджидает чудище, но, подплыв ближе, обнаруживал либо почерневшее бревно, либо ком водорослей. Других участников Турнира, русалок с тритонами, Чжоу и — к счастью — гигантского кальмара видно не было.

Картина подо мной сменилась, теперь, насколько хватало глаз, внизу простиралась долина светло-зеленых водорослей высотой фута в два, казавшихся переросшей травой. Я все глядел вперед, не моргая, стараясь различить, что меня ждет впереди по очертаниям в полутьме. Вдруг кто-то схватил меня за ногу.

Я обернулся и увидел гриндилоу. Маленькое, рогатое водное чудище вылезло из водорослей, крепко схватило меня длинными пальцами и оскалило острые клыки. Тут из зарослей появились еще два гриндилоу, схватили меня за вторую ногу потащили ко дну.

Я взмахнул рукой и из кончика волшебной палочки вместо привычных искр гриндилоу обдало струей кипятка, и зеленые гриндилоу покраснели от злости. Я вырвал ногу из костистых пальцев и быстро поплыл прочь, через плечо наудачу посылая в чудищ новые потоки кипятка. Гриндилоу то и дело хватили меня за ноги, но я отбрыкивался и, в конце концов, ударил пяткой одному прямо в лоб. Тот скосил глаза и перестал грести, его приятели погрозили мне костлявыми кулаками и спрятались в водорослях.

В это момент я не знал, смеяться мне или плакать.

Я отплыл подальше, остановился, оглянулся и прислушался. Тишина давила сильнее; я описал круг, напряженно глядя вдаль. Я заплыл уже очень глубоко, а кроме колышущихся водорослей еще ничего не нашел.

— Ну как? — раздался голос.

Меня чуть удар не хватил. Рывком повернувшись я увидел Плаксу Миртл, едва различимую в темной воде, только огромные глаза привидения за толстыми очками в перламутровой оправе глядели не мигая.

— Ты что, Миртл! — Крикнул я.

Плакса Миртл захихикала.

— Плыви вон туда. — Указала она.

— Я с тобой не поплыву. А то они меня как увидят, так сразу начинают гоняться.

В благодарность я показал ей кулаки с оттопыренными большими пальцами и помчался в указанном направлении, держась повыше над водорослями, на случай, если там прячутся другие гриндилоу.

Плыл я не долго, хотя расстояние было не маленьким. А все потому что ускорял себя с помощью магии.

Я плыл над целой долиной черного ила, и от того, что я плыл, илистая муть приподнималась и крутилась вихрями. И, наконец, я вдалеке услышал обрывок русалочьей песни из яйца.

На поиски даем мы

Тебе один лишь час...

Я поплыл быстрее. Впереди в мутной воде показался громадный камень. На камне — рисунок: тритоны держат в руках копья и гонятся за чудовищем, по виду — гигантским кальмаром. Я миновал стороной камень и поплыл на русалочью песню.

...Минуло полчаса — спеши!

Скорей пропажу заberi...

Вдруг из тьмы показались очертания домов, слепленных прямо из булыжников и поросших водорослями. В темных окнах виднелись лица... эти лица были совсем не похожи на мордашку русалки с картины в ванной старост.

Серая кожа и длинные-длинные темно-зеленые волосы, желтые глаза, неровные зубы, на шеях — ожерелья из гальки. Я плыл мимо, а они злобно на меня глядели. Несколько тритонов и русалок выплыли из своих каменных хижин с копьями в руках и, мощно работая серебристыми хвостами, подплыли взглянуть поближе.

Я поплыл скорее по русалочьей улице; каменных хижин становилось все больше, вокруг некоторых были разбиты сады водорослей, а у двери одной хижины даже сидел привязанный к колу гриндилоу. Отовсюду выплывали новые русалки и тритоны, с любопытством разглядывали гостя, указывали друг другу на мой пузырь и перешептывались. Я завернул за угол, и моим глазам предстало удивительное зрелище.

На обрамленной несколькими домами площади собралась толпа русалок и тритонов. В середине площади высилась статуя тритона, высеченная из цельного куска скалы, перед статуей выстроился русалочий хор и пел песню участникам Турнира. К хвосту статуи были привязаны три человека.

Чжоу привязали между Гермионой и сестрой Флер. . Все три пленника крепко спали, склонив головы на плечи, у всех трез изо рта тянулись вверх тоненькие струйки пузырьков.

Я поспешил к пленникам, ожидая, что тритоны нападут на меня со своими копьями, но те нападать не думали.

Толстые скользкие веревки, которыми привязали Чжоу, Гермиону и сестру Флер, были из водорослей и очень крепкие.

Понимая это, я заклинанием разрубил водоросли и Чжоу тихонько понесло течением.

Понимаю что Флёр я не дождусь, я поплыл к её сестре дабы спасти и её.

Меня тут же схватили несколько пар мускулистых рук. Пять или шесть тритонов тянули меня прочь от Габриэль и со смехом трясли головами.

— Забирай одного пленника. — Сказал один из них, — и плыви...

— Вот еще! И не подумаю! — Напрочь отказался я

— Ты должен забрать только своего друга... другие останутся...

— Она тоже мой друг! — Крикнул я, указывая на Габриэль.

Я попробовал было вырваться из рук тритонов, но те только сильнее расхохотались.

— Ну все твари, вы сами напросились. — Разозлился я и выпустил волну маны из своего тела, которая оттолкнула их всех.

В глазах тритонов показался страх и они больше не решались подплыть ко мне.

Я разрубил водоросли на ноги Габриэль. Одной рукой я обнял её, второй Чжоу.

Вмиг, рядом со мной начала закручиваться вода мы стали подниматься наверх.

Тритонов засосало в созданный мной водоворот, и их крутило будто в центрифуге.

Вскоре мы всплыли, да ещё как. Над озером поднялся столб воды который медленно опустил нас на берегу.

Трибуны радостно завопили и засвистели, все вскочили на ноги.

В этот момент глаза Чжоу И Габриэль открылись.

Чжоу понимала что у чему, а вот девочка смутилась и испугалась.

К нам быстро подбежала мадам Помфри и укутала всех в тёплые шерстяные одеяла. Дамблдор и Людо Бэгмен радостно заулыбались, а Флер билась в истерике и вырывалась из рук мадам Максим с криком: — Габриэль! Габриэль! Она жива? Скажите мне! Жива?

— С ней все в порядке. — Пытался крикнуть я, но от внезапно накатившейся усталости и говорить-то мог еле-еле, не то, что кричать.

— Там гриндилоу.. они на меня напали... о моя сестрёнка , я уже думала ... я думала ... — и она разрыдалась...